

БЛОКАДНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ДНЕВНИКАХ ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Как известно, у каждого исторического времени свои дневники, содержащие «показания» современников, помогающие понять это время. Говоря о блокадных дневниках, следует признать, что при всей их уникальности и ценности они не стали еще предметом серьезного изучения и в лучшем случае остаются иллюстративным материалом для историков обороны Ленинграда. Лишь незначительная часть из сохранившихся блокадных дневников опубликована к настоящему времени — содержащийся в них «негатив» не располагал к этому. И даже сегодня мы не имеем полного представления о том, где еще их можно обнаружить. Наиболее крупная коллекция таких дневников находится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, хранятся блокадные дневники и в Музее обороны и блокады Ленинграда, в Российской Национальной библиотеке. Но теперь выяснилось, что такие дневники есть и в Архиве «Большого дома».¹ Конечно, блокадные дневники остались и в семьях тех, кто их вел, о чем мы можем судить по редким публикациям в печати.

Будучи источником индивидуального происхождения, блокадные дневники, с точки зрения их авторов, тем не менее отличались своим предназначением: одни были адресованы истории, другие писались для себя. «Я веду как музейную работу ежедневный дневник с 22 июня. Записи делаются все подробнее и детальнее, — отмечал зимой 1941/42 г. научный сотрудник Музея истории и развития Ленинграда А. А. Черновский. — Уцелею ли — не знаю, но дневник этот — документ для истории города ценный, он (конечно с долей объективности) отражает эти исключительные дни. Если я доживу, я хотел бы участвовать в его расшифровке, в написании примечаний».² К сожалению, А. А. Черновский не дожил до победы и умер от истощения в мае 1942 г.

Показательно, что значение дневников как уникального исторического источника понимали в то суровое время и партийные руководители. Выступая 26 ноября 1941 г. на совещании аппарата Кировского РК ВКП(б) г. Ленинграда, его первый секретарь В. С. Ефремов предлагал «завести дневник района» и мотивировал это следующим образом: «Вполне естественно, что историки будут искать всякий материал для того, чтобы понять этот момент, понять, как это можно было в Ленинграде в такой тяжелый период своими ресурсами обороняться в течение такого долгого времени, и обороняться успешно, — понять, из какого теста были сделаны люди, которые здесь находились, понять, как это в четырех километрах от противника можно было работать, производить материальные ценности, изобретать и т. д., и проводить сегодня совещание, и думать об истории».³

И все же подавляющая часть тех, кто вел дневники в осажденном Ленинграде, делали в них сокровенные записи для себя, а не для истории. Это были и военные, и сугубо гражданские лица, партийные и советские работники, писатели и ученые, инженеры и журналисты, учителя и школьники, сотрудники музеев, архивов и библиотек. Их дневники представляют особую ценность: без них нельзя адекватно представить блокадную повседневность и понять психологию выживания в то героическое и трагическое время,

а также ответить на вопрос, почему выстоял осажденный на протяжении почти трех лет Ленинград.

В ряду этих уникальных источников особое место, на мой взгляд, историка и жителя блокадного Ленинграда, занимает опубликованный в 1998 г. дневник А. Н. Болдырева.⁴ Начав свою «осадную запись» в декабре 1941 г., он день за днем фиксировал не только события, отражавшие лишения и страдания жителей блокированного Ленинграда, но и тончайшие психологические наблюдения за переживаниями терзаемого голодом человека, обремененного постоянной заботой о своих родных и близких. Вместе с пронзительно откровенными записями об изнурительной «битве» автора за выживание и тяжелых переживаниях, «падениях духа», вызванных унижительными поисками дополнительного куска хлеба и тарелки супа, дневник содержит ценные сведения о самых различных сторонах блокадного быта, о нормах и порядке выдачи продовольствия, об обстрелах и бомбежках, гибели родных, друзей, коллег-ученых. Сам А. Н. Болдырев считал, что «эти записи — самое и единственное творческое» из того, что ему приходилось делать во время блокады.⁵ Занося в свой дневник самые различные «мелочи», он надеялся, что «с кучей мусора будет зацеплено и ценное», верил, что «эта Запись есть дело большое, есть подлинный, правдивый свидетель времен неповторимых и когда-нибудь будут заслушаны ее показания».⁶ Это «когда-нибудь» наступило только спустя 50 лет, и в этом нет ничего удивительного, поскольку дневники, как известно, в силу многих причин и обстоятельств, а часто по воле их авторов становятся достоянием истории и историков по истечении длительного времени.

«Осадную запись» А. Н. Болдырева надо читать внимательно, день за днем, не упуская и не пропуская ничего, и только тогда возникает подлинная картина блокадной жизни в ее суровой повседневности и, конечно, того, что пришлось ему вынести. Первая запись в дневнике А. Н. Болдырева сделана 9 декабря 1941 г.: «Только теперь, на 4-м месяце осады (мы считаем, что кольцо вокруг города замкнулось в двадцатых числах августа), привожу в исполнение давно возникавшую мысль вести самую короткую, в нескольких фразах на каждый день, хронику осадного времени. И цель ее зафиксировать лишь самые простые, повседневные факты нашего осадного быта...»⁷ Декабрьские записи 1941 г. контрастируют своими сюжетами и заботами. «Крепчайший мороз. Трамваев никаких. Тревог нет. Хлебной прибавки конечно нет, — отметил 15 декабря 1941 г. А. Н. Болдырев. — Картина застывшего города с бесконечно черными потоками и ручейками людей по мостовым, улицам, панелям — потрясающа. Лошадей и машин почти нет. Вчера и сегодня лапа голода и уныния грязно легла на мой дом и осквернила его».⁸ Постоянно бывая эти дни в Эрмитаже и посещая университет и Дом ученых, он поглощен тем, как найти источники дополнительного питания, получить дрожжевой суп и желе без вырезки продовольственных талонов. И тем не менее в эти мрачные дни ученый вел занятия в университете, с увлечением готовил доклад «Навои и его время». В связи с этим он писал в своем дневнике: «В этих работах счастье, удовлетворение наших дней. Чем хуже с физическими возможностями — до известного предела — тем яснее, свежее работает мысль. Это я слышал от многих и в этом поразительное... сего времени. Однако в последние дни этот предел перейден. Нету силы воплотить мысли».⁹ В канун Нового, 1942 года А. Н. Болдырев отметил и критическое состояние своих коллег по Эрмитажу: «...разрушение людей голодом разительно продвинулось — Пиотровский, Богнар, Морозов, Борисов — находятся на пределе».

Но, как скоро выяснилось, это был еще не предел. Испытание возможностей выживания в экстремальных условиях блокады продолжалось и в 1942 и в 1943 гг. Правда, пережившие страшную зиму 1941/42 г. познают и «праздники Пищи», которые с мельчайшими подробностями отмечены в дневнике А. Н. Болдырева.¹⁰ Но острое чувство голода и мысли о хлебе насущном, как это хорошо видно из дневника, не покидали блокадников ни на минуту. Испытания голодом и холодом выдерживали в первую очередь те, кто не переставал сопротивляться и бороться за жизнь, работать и двигаться, не оставался без поддержки семьи, близких, коллектива. Яркий пример тому — сам А. Н. Болдырев. Читая его дневник, реально представляешь, какие физические нагрузки ему приходилось переносить и каких это стоило усилий. 19 февраля 1942 г. он записал: «Теперь по временам, особенно когда выходишь или идешь в какой-либо долгий рейс, замечаю, что начинает захватывать, одолевает некая глубочайшая апатия, некое безразличие, утомление что ли, так что хочется только лечь и лежать, ни на что не отзываться, относясь ко всему безразлично».¹¹

Конечно, далеко не все, что чувствовали, переживали, видели, и тем более думали, блокадники решались заносить в свои дневники: это было небезопасно и потому почти автоматически срабатывала самоцензура. Некоторые события и факты приходилось даже излагать эзоповым языком. Так, свои вызовы в Большой дом, где размещалось Управление НКВД А. Н. Болдырев зашифровал в своем дневнике, как «глупейший рассказ некоего Шевчика „Две поездки в Большой Дом”», прибегнув при этом к английскому языку.¹² В том, что вести дневники даже в это трагическое время было опасно, мы можем теперь сами убедиться, знакомясь с рядом опубликованных в наше время дневников, авторы которых были арестованы тогда за так называемую антисоветскую деятельность, вещественным доказательством которой и стали их дневники.

Одним из первых таких документов был напечатан в 1996 г. в журнале «Вопросы истории» дневник И. И. Жилинского, начальника планово-аналитического отделения Управления дорожного строительства Октябрьской железной дороги, арестованного за «контрреволюционную пропаганду».¹³ При обыске на квартире И. И. Жилинского, проживавшего в Новой Деревне в деревянном доме по Школьной улице, был изъят и его дневник, в котором следователь обнаружил «крамольные мысли» и приобщил его к делу. В действительности же в дневнике Жилинского отражена прежде всего его повседневная борьба за выживание, состоявшая в поисках и добывании пищи, из долгого простаивания в многочасовых очередях за хлебом и другими продуктами питания, которые полагались по карточкам, но редко оказывались в магазинах. В дневнике содержится немало ярких примеров того натурального обмена, который царил в блокадном городе. Его автор описывает «паломничество голодных горожан» в декабре 1941 г. в пригородный свиновхоз в Парголово. «Все идут с затаенной мечтой получить хоть маленький кусочек дуранды, — записал он 22 декабря 1941 г. — Приносят весьма ценные вещи: шелковые и шерстяные платья, меховые жакеты, кружева, платки, шапки, манто и пр. Видимо, в этих общезитиях так надоели эти наплывы и в то же время так этих рабочих наполнили вещами, что они презрительно-надменным и грубым образом гонят всех посетителей вон, не желая смотреть на вещи».¹⁴ Но Жилинский еще не теряет надежды и замечает: «Ничего. Не падать духом. Сейчас наши Армии уже прорывают кольцо блокады. Ходят упорные слухи о прибавке хлеба».¹⁵ Хлеба и в самом деле немного прибавили через несколько дней, а вот прорыва блокады пришлось ждать еще

больше года. Конечно, силы голодных горожан, получавших мизерную норму хлеба, таяли с каждым днем, таяли и надежды и терпение. После напрасного 12-часового стояния в очереди с двух часов ночи за причитающимися по карточкам продуктами Жилинский записывает: «Так бывает часто. Вообще в смысле организации снабжения населения продуктами вопиющие безобразия. Никакой организации. Бездушное отношение к человеку, к его времени. Мороз, холод, ветер — люди голодные, и эти очереди. Дико, безобразно, но факт неотразимый, неизбежный».¹⁶ Такие «неотразимые» факты с точки зрения охранников власти уже можно было заносить в разряд крамолы и пораженческих настроений. Даже небольшая прибавка хлеба с 25 декабря 1941 г. не могла воодушевить многих обессиленных голодом людей. «Но что эти 200 гр. без остального, без приварка, без крупы, без мяса и т. д.? — размышляет сам с собой Жилинский 29 декабря 1941 г. — Ничего ведь нет и в прикрепленном магазине, а если привезут, то столько трудов и сил надо истратить, чтобы получить эти крохи. Безнадежное положение — смерть надвигается страшная, голодная, но мы как-то атрофированы безвыходностью из этого положения».¹⁷ Правда, случались и маленькие радости: накануне Нового, 1942 года выдали по карточкам по 150 г на человека «дивного прессованного американского мяса».¹⁸ Невообразимая ранее повседневность первой блокадной зимы занимает главное место в дневнике И. И. Жилинского. В нем содержатся ценные сведения о рационе питания жителей осажденного города, нормах выдачи продовольствия и их реальном отоваривании, ценах на продукты питания на черном рынке и обменных операциях. Самовар, например, можно было обменять на 1 кг хлеба, за золотые дамские часы можно было получить 5 кг жмыха, за дамское манто — 5 ведер жмыха и т. д.¹⁹ Автору дневника, как и многим другим ленинградцам, хотелось верить, что эти постоянные поиски продовольствия и обменные операции, все беды и тяготы блокады останутся в страшном 1941 г. и никогда более не вернуться. «1942 год я ожидаю с самым добрым и радостным настроением, — отметил 31 декабря 1941 г. Жилинский. — Этот 1942 год меня манил, как счастливый берег, к которому было так трудно доплыть, и вот я вышел на берег с облегченным сердцем и прекрасным настроением, с верой в хорошее будущее. Дай Бог, чтобы эти настроения, бодрость духа и вера оправдали себя полностью».²⁰ К сожалению и огорчению всех блокадников, эти надежды оправдались не сразу, и в новом, 1942 г., перебои в выдачей хлеба — основного продукта питания населения блокированного города — не только не прекратились, но и усугубились. «Все ждут, все мечтают о прибавке хлеба, — писал И. И. Жилинский в своем дневнике 16 января 1942 г. — А голод надвигается вплотную к каждому человеку. Все уже потеряли моральные устои — это закон голода. Самый честный человек способен украсть, убить — за кусок хлеба».²¹ К таким обобщениям приходили люди, сломленные голодом и холодом, не имевшие сколько-нибудь определенной и правдивой информации о продовольственном снабжении блокированного города и реальном положении на фронте, вынужденные кормиться самыми различными слухами, которые не подтверждались и самым отрицательным образом влияли на психологию выживания ленинградцев, на их способность сопротивляться тяготам и лишениям блокады. Вот и Жилинский записывает в своем дневнике 30 января 1942 г.: «Каждый день канонада, взрывы, разрывы дальноточных снарядов противника, но все так атрофировались, так всем осточертела эта жизнь, что не уделяют никакого внимания никакому грому. Убьют, так убьют — лишь бы напал и сразу. Один конец. Надоело страдать. У людей умирают родные — мужья,

матери, сестры, больные дети. Никто не проронит слезы, как будто идет все нормально. Смерть ближнего, родного в семье приносит жизнь остающимся. Умершего выдерживают в холоде до конца месяца и получают по его карточке хлеб для себя».²² Настроения об «осточертелой жизни» выплескивались из дневников в разговоры в очередях за продовольствием, на работе, становились известными органам НКВД и служили для последних основанием для обвинения распространителей таких настроений в «контрреволюционной пропаганде». Разумеется, таким образом пострадал не один И. И. Жилинский. Похожая судьба постигла и других авторов блокадных дневников. В 2004 г. в серии «Архив Большого Дома» были опубликованы дневники ленинградского учителя А. И. Винокурова, расстрелянного в марте 1943 г. за «контрреволюционную антисоветскую агитацию» и за «пораженческие взгляды в войне СССР с Германией»,²³ а также старшего бухгалтера Ленинградского института легкой промышленности Н. П. Горшкова, приговоренного к 10 годам лишения свободы за «антисоветскую агитацию среди своих знакомых».²⁴ Показательно, что сам Горшков настаивал, что изъятый у него во время обыска дневник служит доказательством того, что он «никогда не был антисоветски настроенным человеком».²⁵

Знакомясь с дневником Н. П. Горшкова как историческим источником блокадного времени, убеждаешься в глубокой правоте его автора, считавшего, что его ежедневные наблюдения и переживания он записывал для себя. Но теперь оказалось, что эти записи содержат такие важные детали, которые помогают более полно представить блокадную повседневность ленинградцев. Начиная с первых дней сентября 1941 г., когда начались интенсивные обстрелы и бомбежки Ленинграда, Н. П. Горшков заносит скрупулезно в свой дневник сведения о пожарах и разрушениях в городе, о продолжительности налетов вражеской авиации, о характере погоды. Вот, например, запись за 1 октября 1941 г.: «С утра сплошная облачность. Пасмурно. Тепло. В половине дня проясняется. Солнце светит на безоблачном небе. Из района Пулкова доносятся залпы из орудий. С 16-ти часов пальба усилилась, и в город стали залетать снаряды, которые упали за Обводным каналом в районе Расстанной улицы, в других местах. Повреждения нанесены зданиям, трамвайным путям, есть жертвы. Первая воздушная тревога в 16 ч. 50 мин. И окончилась через 15 мин. Вторая тревога объявлена 20 ч. 40 мин. и продолжалась 2 ч. 40 мин. Сильно стреляли зенитки, и были слышны отдаленные взрывы бомб. Ночь лунная, облака редкие. При такой погоде город сверху, вероятно, виден как на ладони».²⁶ 5 ноября Н. П. Горшков записал: «Над городом — свет луны за редкими облаками. На улицах очень светло. Ленинградцы возненавидели луну, освещающую путь врагу для бомбежки города. В данное время прекрасной погодой считается, когда темные низкие тучи, туман или идет дождь или снег, т. е. когда нелетная погода и враг не решается лететь вслепую».²⁷ 6 ноября 1941 г. он фиксирует в дневнике, что вечером после отбоя воздушной тревоги по радио передавалась «речь т. Сталина с заседания Московского горсовета по случаю 24 годовщины Октябрьской Социалистической революции. Речь была хорошо слышна, несмотря на попытки врага перебивать дикими звуками своих станций».²⁸ Вплоть до середины декабря 1941 г. Н. П. Горшков ничего не сообщает ни о продовольственном положении Ленинграда, ни о нормах выдачи продуктов по карточкам. Только 14 декабря он отмечает в дневнике, что «ощущается недостаток в продовольствии, горючем, в топливе». Что «в связи с наступлением сильных холодов и целого ряда недостатков в бытовых условиях жизни наблюдается в последнее время большая

смертность среди гражданского населения».²⁹ По всей видимости, здесь сработала са-моцензура. Достаточно осторожен и лаконичен автор дневника и в других своих поден-ных записях на продовольственную тему. 19 декабря Н. П. Горшков бесстрастно кон-статирует, что уже больше месяца как хлеба выдается в день по 250 г на рабочего, всем остальным по 125 г; что крупа в последнее время бывает очень редко, а макароны тем-ные и плохого качества; что мясо тоже бывает очень редко, а вместо него выдается студень, неизвестно из чего приготовленный, что сахар заменяется разными конфета-ми, а масло или жиры получить почти невозможно.³⁰ «На кладбищах не успевают хоро-нить, так как могильщиков мало, земля мерзлая, — записывает он 21 декабря 1941 г. — Горы гробов стоят в ожидании погребения. Родственники, привезя гроб на кладбище и не имея возможности своими силами вырыть могилу, бросают гроб с покойником на произвол судьбы. Сейчас приняты общественные меры уборки трупов и погребения в общих братских могилах. Люди голодают и пухнут из-за недостатка продуктов вслед-ствие блокады города. Вот что сделал кровожадный Гитлер».³¹ И никаких далее ком-ментариев, никаких упреков в адрес городских властей или правительства в Москве. 5 января 1942 г. опять бесстрастная констатация: «Хлебные очереди сегодня ликви-дировались, хвосты у булочных исчезли, но хлеб плохого качества. Никаких других про-дуктов населению на 1-ю декаду января пока еще не выдавалось. В ожидании привоза у магазинов стоят очереди».³² Спустя 5 дней Н. П. Горшков снова отмечает, что вот уже больше декады как в магазинах, кроме хлеба, нет никаких продуктов, наступил голод.³³ С этого времени тема голода и его жестоких последствий занимает в его дневнике глав-ное место. Фактически ежедневно Н. П. Горшков скупо описывает наблюдаемые им на улицах города гибель ленинградцев, случаи бандитизма в булочных, длинные верени-цы людей, тянущих из последних сил на кладбище гробы или просто зашитые в одеяла трупы! И все же он не поддается еще отчаянию. «Печальную грустную картину пред-ставляет наш когда-то славный и красивый, но всегда любимый город Ленинград, — записал Н. П. Горшков 20 января 1942 г. — Все мертво. Голодающее и холодное насе-ление героически выносит невероятные переживания всевозможных лишений. Бомбы и снаряды врага, пожары, отсутствие воды, электрического света, топлива, сообщения и связи и многого другого, а главное — недостаток пищи. Люди гибнут от голода... С чувст-вом горечи и досады приходится заносить эти печальные строки о переживаниях ле-нинградцев».³⁴ Но сам он еще не сломлен и с оптимизмом отмечает изменения в жизни города к лучшему. «Сегодня для ленинградцев, несмотря на такой анафемский холод, очень приятный день. Во-первых, радостные вести с фронта, что наши войска гонять немцев в Калининской области, и уже заняты ряд городов по направлению к Пскову. Взяты большие трофеи. На нашем Ленинградском фронте дела, видимо, также не плохи, так как обстрела города не было и пальбы с фронта не слышно, — записал Н. П. Горшков 24 января 1942 г. — Во-вторых, и продовольственное положение в городе улучшается. С сегодняшнего дня увеличена норма выдачи хлеба, и качество значительно улучши-лось. Хлеб хороший».³⁵ Увы, через день опять безотрадная картина: «Голодный Ленин-град ждет продовольствия, которое надо доставить, невзирая на все препятствия, так как люди гибнут, умирая голодной смертью от истощения. По слухам, умирают ежед-невно в городе и пригородах до 10 тыс. человек, по другим версиям — не менее 3 тыс. человек в день».³⁶ И все же в эти трагические дни зимы 1941/42 г. Н. П. Горшков под-мечает такие детали, которые позволяли думать, что самое страшное осталось уже по-

зади. «В жизни города без перемен, — записывает он 23 февраля 1942 г., — но на лицах граждан появилась новая черта надежды на скорое избавление от вражеской блокады. Даже в очереди за водой видны улыбки на лицах граждан и больше взаимной уступчивости и вежливости».³⁷ И хотя избавление от вражеской блокады в действительности пришло совсем не так скоро, как на это надеялись жители осажденного города, дневник Н. П. Горшкова дает возможность проследить, как нарастали эти ожидания, как улучшался быт и с ним настроения ленинградцев. Не пропустив ни одного дня блокады в своем дневнике, фиксируя все изменения к лучшему, особенно после прорыва блокады, его автор запечатлел для нас, потомков, Ленинград в его уникальной повседневности. Можно даже сказать, что он совершил в тех условиях гражданский подвиг, ведя свои ежедневные записи, как оказалось, для истории.

Даже это беглое знакомство с опубликованными в последнее время блокадными дневниками позволяет говорить об их исключительной ценности для воссоздания блокадной повседневности. Их авторы в своем индивидуальном восприятии жизни и быта в осажденном Ленинграде сообщают нам важные детали, которые в своей совокупности дают качественно новое представление о жизни блокадного города. Задача состоит в том, чтобы предметом сравнительного изучения стало возможно большее количество таких дневников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Большого Дома: Блокадные дневники и документы / Сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб., 2004.

² Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД СПб.). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 18. Л. 68.

³ Цит. по кн.: Архив Большого Дома: Блокадные дневники и документы. С. 8.

⁴ *Болдырев А. Н.* Осадная запись: Блокадный дневник / Подгот. В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. СПб., 1998.

⁵ Там же. С. 343

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 126, 167–169.

¹¹ Там же. С. 62.

¹² Там же. С. 39.

¹³ *Жилинский И. И.* Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 7–8.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Там же. С. 22–23.

²⁰ Там же. С. 19.

²¹ Там же. С. 26.

²² Там же. № 8. С. 3.

²³ Архив Большого Дома: Блокадные дневники и документы. С. 236–237

²⁴ Там же. С. 14.

²⁵ Там же. С. 15.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Там же. С. 36.

²⁸ Там же. С. 38.

²⁹ Там же. С. 48.

³⁰ Там же. С. 50.

³¹ Там же. С. 52.

³² Там же. С. 55.

³³ Там же. С. 57.

³⁴ Там же. С. 61–62.

³⁵ Там же. С. 64.

³⁶ Там же. С. 67.

³⁷ Там же. С. 80.